

© 1995 г. С.И. ИОРДАНИДИ, В.Б. КРЫСЬКО

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИННОВАЦИИ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ. I*

1. Важнейшим процессом, характеризующим эволюцию субстантивной парадигмы множественного числа¹ в древнерусском языке, является устранение родовых и деклинационных различий. Формирование общеродовой омонимии ИП и ВП, осуществившееся к XII в. (И-ВП *жены – плоды – села*) [Иорданиди, Крысько 1993]² и обусловившее последующее развитие в кругу одушевленных существительных новой формы В=Р (к XIV в.: *вижу дворянъ – женъ – чадъ*) [Крысько 1994в: 103–117], создало основу для устранения родовых различий и в прочих падежах pluralis, прежде всего тех, которые были объединены, независимо от типа склонения, общими финалями, – а именно в ДП, где во всех склонениях имелась финаль *-м(ъ)*, и в МП, где была представлена финаль *-х(ъ)*, ср.: *женам – плодом – конем – сыном (< сынѣмъ) – гостем (< гостѣмъ), женах – плодѣх – коних – сынох (< ѣхъ) – гостех (< ѣхъ)*. Естественно было бы ожидать, что процесс унификации косвенных падежей пойдет по тому же образцу, что и объединение прямых падежей, т.е. по типу **ă*-склонения – единственной из парадигм, включавшей абсолютно идентичные формы двух грамматических родов – мужского и женского. Эта интерпретация, в общих чертах сформулированная еще А.И. Соболевским [Соболевский 1888: 127; 1907: 177], была поставлена под сомнение И.В. Ягичем, который указал на иной источник флексий типа *-ам* – И-ВП ср. рода (*села* → *селаѣмъ*) [Ягич 1889: 116]. Вскоре точка зрения Ягича была поддержана обширным инославянским материалом, приведенным в грамматике В. Вондрака [Vondrák 1908: 23–29], а затем была подтверждена, на базе языковых данных среднерусского периода, в монографии Б. Унбегауна [Unbegaun 1935: 199]. В наши дни она нашла решительного сторонника в лице В.М. Маркова, который подкрепил аргумент нейтра указанием на другой важный источник *-а*-форм в косвенных падежах – инновационный ИП муж. рода типа *бояра и дворяна* [Марков 1974: 102–106]. Следует заметить, правда, что реконструкция подобных номинативов для древнерусского периода, впервые предложенная А.А. Шахматовым [Шахматов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке МНФ и РГНФ.

¹ В статье приняты следующие сокращенные обозначения: мн.ч. – множественное число, ед.ч. – единственное число, дв.ч. – двойственное; ИП – именительный падеж, РП – родительный, ДП – дательный, ВП – винительный, В=Р – винительный в форме родительного, ТП – творительный, МП – местный, Зв. – звательная форма.

² Мы вынуждены констатировать, что некритически повторенный в этой статье якобы древнейший пример использования ВП вместо ИП в **o*-склонении – "народы текоша" [Иорданиди, Крысько 1993: 19], который был заимствован П.С. Кузнецовым [Кузнецов 1959: 60] из малоудовлетворительного "Описания Юрьевского евангелия", выполненного архимандритом Амфилохием, в действительности является фикцией. При обращении к рукописи (ГИМ, Син. 1003) оказалось, что на л. 81 представлена конструкция *нѣши... текоша*, а на л. 81об – *отпоуститъ народы*, которые, по-видимому, и были объединены исследователем. К сожалению, данный факт обнаружился только после набора вышеуказанной статьи и не мог быть в ней отражен.

1885–1895: 197], не получает подтверждения в реальном материале, который свидетельствует о том, что первые случаи ИП на *-яна* появляются только в XVI в. [Иордаиди 1985: 262]. В итоге, тем не менее, гипотеза И.В. Ягича заняла господствующее положение в современной науке, и номинативы на *-а*, по крайней мере для ср. рода, считаются основным источником новообразований в косвенных падежах (см., например, [Хабургаев 1990: 127]). Хотя ряд исследователей признаёт существенную роль окончаний **ā*-склонения для распространения формантов *-ам*, *-ах* и *-ами* [Шахматов 1885–1895: 197; Ульянов 1958: 131; Молчанова 1965; Andersen 1969; Шепелева 1972; Thomas 1973], тезис об обобщении показателя множественности *-а* стал, особенно после работ В.М. Маркова, *locus communis* исторической русистики³.

Прежде чем перейти к подробному изложению наших представлений об унификации форм косвенных падежей, необходимо, как мы полагаем, заново пересмотреть весь корпус примеров, на которых основываются имеющиеся теории.

2. Хронологические границы рассматриваемого явления, намеченные А.И. Соболевским [Соболевский 1907: 177]⁴ и А.А. Шахматовым [Шахматов 1957: 278–280], долгое время оставались непоколебленными: согласно их классическим примерам, первые фиксации инновационных окончаний во мн.ч. относятся к концу XIII в. Впрочем, и сам набор иллюстраций на протяжении десятилетий сохранял и в основном сохраняет статус канонического. Единственное исключение составляют формы *съ клобуками* [Соб.] и *о раздорахъ* [Ягич 1889: 117; Соб.]: их некорректность была доказана В.М. Марковым, который установил, что в Паремейнике 1271 г. написано не *клобуками*, а *клобуки* (РНБ, Q. п. I. 13, л. 214а)⁵, тогда как *раздорахъ* представляет собой форму существительного *раздора* [Марков 1974: 101–102].

Однако этими случаями список неверных примеров в классических работах не исчерпывается. Так, во всех перечнях новообразований постоянно фигурирует форма *къ латинамъ*, зафиксированная А.И. Соболевским [Соб.] в КР 1284, 366 (ср. там же еще *к латинамъ*); правда, сам же Соболевский указал и иную возможность объяснения этой формы, упомянув ее среди новых форм мн.ч., возникших после переосмысления собирательных существительных ед.ч. жен. рода на *-а* как форм ИП *pluralis* [Соболевский 1907: 222]. Более эксплицитно данная трактовка именно в применении к рассматриваемой форме была повторена Б. Унбегауном [Unbegaun 1935: 195], который справедливо отметил, что ДП *латинамъ* образован не от **о*-основного существительного *латин(ин)ъ*, мн.ч. *латини* (ср.: *к латиномъ* КР 1284, 262в; *ω* прочи(х) *латинѣ(х)* 366), а от **ā*-основного собирательного *латина* (ср.: *ω* фризх [так!] *ī* о про(ч) *ла(т)нѣ* 366). Таким образом, форма *латинамъ* отражает не появление новой флексии в **о*-склонении, а развитие плюральной парадигмы собирательных существительных, более активно демонстрируемое восточнославянскими текстами конца XIV–XV вв. (*братья наши* ЛЛ 1377, 130об; *передо вами і попьѣми* ГрБ № 276⁶; *ω(т)*

³ Сводку различных мнений о происхождении *-а*-форм в косвенных падежах мн.ч. см. [Dingley 1982: 45 — 102].

⁴ Дальнейшие ссылки на этот раздел "Лекций" А.И. Соболевского даются в сокращенном виде ([Соб.]) без указания страницы.

⁵ Примеры из рукописей, проверенные нами *de visu*, сопровождаются шифрами рукописей. Иллюстративный материал из памятников, которые являются источниками "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)" и в настоящей работе обозначаются в соответствии с сокращениями, принятыми в данном издании [СДРЯ, I: 24–48], сверен с фотокопиями рукописей, хранящимися в Отделе истории русского языка Института русского языка РАН, либо с авторитетными изданиями. Чтения, уточненные по сравнению с имеющимися публикациями, не оговариваются. При цитировании выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках.

⁶ О мнимой форме *попьямъ* [Ягич 1889: 49; Шахматов 1885–1895: 196], являющейся на самом деле неверной передачей сокращенного написания *л(и)с(ку)пьямъ*, см. [Unbegaun 1935: 195–196].

гдѣ ПНЧ XIV, 155а; со *братиѡми* его Пещак, № 55, 1392 г.; со всѣми нашими *братиѡми* 66, 1395 г.; *слѣши латына* СбТол XIV/XV, 125 об; на *Мерѡхѣ* ЛИ ок. 1425, 8; съ *шорѡми* своими 115 об).

Неизменно повторяется в историко-морфологических работах и пример *рижѡнамъ* (но не *рижнянамъ*, как указано в [Горшкова, Хабургаев 1981: 195; Марков 1992: 103]), обнаруженный А.А. Шахматовым [Шахматов 1957: 279] в одном из списков (В) Смоленской грамоты 1229 г. (Смол. гр., 25). Никто из исследователей, однако, не задался вопросом, почему появление инновационной флексии *-амъ* на месте *-омъ* (ср. там же *смольнѡномъ*) сопровождается смягчением основы. Не логичнее ли предположить, что написание *ѡ* перед *мъ* обусловлено влиянием предшествующего слога, как и в формах *погинитъ* (вместо *погинеть*), *приказана* (вместо *приказано*), *частини* (вместо *частины*), характерных для этого весьма неаккуратного списка?

В работах [Шахматов 1957: 279] и [СДРЯ, II: 164] в качестве ДП мн.ч. от существительного *вѡлхвъ* приводится форма *вѡлхвамъ* КН 1280, 538в. Из контекста, однако, с большей вероятностью следует, что здесь речь идет о знахарках, обозначенных существительным **ѡ-склонения вѡлхва* (ср.: Аже жена боудеть чѡрод иница или наоузница. или *волѡхва*. УЯрЦерк сп. сер. XV, 272 [СДРЯ, II: 164]).

Вероятен, но не полностью надежен пример о *сѣниѡхѣ*, отмеченный А.И. Соболевским [Соболевский 1884а: 104] в Архивский Лествице второй половины XIII в. (РГАДА, МГАМИД, 452, л. 4). Хотя в древнерусских памятниках данное существительное обычно выступает как **jo-neutrum*, формы на *-ахѣ*, *-ами*, наблюдающиеся в церковно-книжных текстах среднерусского периода (по КДРС), которые в принципе избегают инновационных флексий мн.ч. (*вѣ сонѡихѣ* Козма Инд., 239; *сѣнѡими* ВМЧ, Дек. 31, 2588), и в особенности недвусмысленная форма РП ед.ч. жен. рода: *ѡ(т) многия сонѡя* воздержитесь Алф.³, 110 – позволяют предположить, что рядом с *сѣние* развился **jѡ-основный* вариант *сѣния* (ср. аналогичные варианты *оутрик* – *оутриа* [ССС], *поморие* – *помория*, *ра(о)здолие* – *ра(о)здолия*, *родословие* – *родословия* [Срезн.]); не случайно, думается, А.И. Соболевский не включил пример из Лествицы в сводный список новообразований [Соб.].

В 60–70-е гг. корпус и хронология инновационных форм ДП, МП и ТП были подвергнуты существенной коррекции. В обстоятельной диссертации Н.Ф. Молчановой (см. [Молчанова 1965]) был заново обобщен весь имевшийся в то время фактический материал и введены в научный оборот некоторые новые примеры. Однако именно эти дополнения к традиционному списку вызывают возражения.

В частности, древнейшим "бесспорным новообразованием" в МП муж. рода исследовательница сочла форму на *Коломца(х)* ЛН, 155об–156 от географического названия **Коломци*, образованного, по ее мнению, "от сущ. нарицательного *кѡлмыць* – *хѡлмыць*" [Молчанова 1965: 9]. Думается, однако, что в этом случае Н.Ф. Молчанова отдала дань ложной этимологии. Ни в письменных памятниках, ни в говорах [Даль, II: 137; СРНГ, 14: 138–139] ни разу не отражено фонетическое изменение [х] > [к] в предполагаемом корне; напротив, нередко упоминаемый в летописи новгородский *Холм* постоянно фигурирует в этимологически правильной форме, ср. также название деревни *Холмець* в ГВНП № 167. Мена [х]/[к] наблюдается только в названии *Холмогоры*, однако она носит позднейший характер, и в летописях и грамотах данный топоним неизменно сохраняет исконный облик первого корня – *Колмогоры*. Кроме того, возведение формы **Коломци* к *хѡлмъ* заставляло бы ожидать хотя бы sporadического написания редуцированного в корне – между тем во всех его фиксациях в тексте Новгородской I летописи присутствует только форма с *Кол-* vs. регулярного *Хѡлм-*. Правомерно, видимо, предположить, что первый [о] в рассматриваемом

названии связан по происхождению не с [ъ], а с гласным полного образования и, следовательно, в корне *Колом-* имеет место не т.н. второе (точнее – третье, см. [Крысько 1994б: 17–18]), а первое полногласие. Это предположение полностью оправдывается при сопоставлении анализируемого топонима с апеллятивом *коломище* "могильник", восходящим к фин. *kalma* "могила", *kalmisto* "гробнице" [Срезн., I: 1258], и с теми же *Колмогорами*, которые объясняются из фин. *kalma* "смерть; могила" + *kari* "утес" и "лишь в порядке народн(ой) этимологии" сближены с *холм* и *гора* [Фасмер, IV: 255]. При перенесении на славянскую почву финское инлаутное [a] в *kalma* было передано как [o], а ауслатное [a] – как [a] (ср. *Karjala* – *Корѣла*), т.е. возникла форма **колма*, которая в процессе дальнейшего словообразовательного освоения могла приобретать полногласный дериват – **коломъца* (ср. др.-русс. *купа* – *купъца*, *кърста* – *кърстыца*; соврем. *зальца*, *хрипотца*, *зевотца* [Русская грамматика 1980, I: 211]). Очевидно, именно к этому образованию жен. рода и восходят формы *на Коломца(х)*, *на Коломци* ЛН, 163 об (ВП мн.ч. с неисконной флексией, заимствованной из твердого варианта склонения, ср. столь же вторичную форму ИП *божници* 165 об), *с Коломечь* НЛ, 413. В пользу **а*-основного характера данного топонима говорит также более поздняя форма ед.ч. с суф. *-иц-*: *на Коломищу* МЛ, 170.

Трудно согласиться и с интерпретацией МП *черевьяхъ* (станаше... в *черевья(х)* в протоптаны(х) ЛЛ 1377, 65 об) как одного из "древнейших примеров форм на -ах у слов ср. р." [Молчанова 1965: 8]. Ряд контекстов из памятников доказывает, что в древнерусском языке имелось существительное жен. рода *черевья* "сапог, башмак"; так, отнесение к ср. роду совершенно исключено уже для формы из Синайского патерика XI в.: *сѣдѣше черевѣѣ рѣжа* СП, 13 об, где восточнославянская флексия *-ѣ* может характеризовать ВП либо **ја*-основ, либо **јо*-основ муж. рода. В пользу жен. рода однозначно свидетельствуют согласуемые формы ИП мн.ч., отмеченные в двух текстах: *Черевѣѣ ихъ ветѣхы заплачены* Ис. Нав. IX. 5 по сп. XIV в. [Срезн., III: 1500]; *черевѣѣ и(х) ветѣхы заплачены* Палея толк., 262, 1477 г. [КДРС] (в муж. роде определения имели бы флексию *-и*, в среднем – *-а*). В свете проанализированных фактов проясняется, между прочим, и статус формы *на чьрьвьѣхъ* ГрБ № 219: отклонив предположение о том, что здесь "...мы, возможно, имеем дело с собирательным именем на *-ѣѣ*, а не на *-ѣѣ*" [Янин, Зализняк 1986: 140] (хорошо известно, что в древнерусском языке собирательные существительные от неодушевленных имен образовывались только посредством форманта *-иѣ*), мы можем признать данный пример еще одной закономерной формой **а*-основного *femininum* *черевья*.

Форма *в прабошнѣ(х)*, наличествующая в том же фрагменте из "Повести временных лет", что и *черевья(х)* (ЛЛ 1377, 65 об), истолкована Н.Ф. Молчановой, вслед за И.И. Срезневским [Срезн., II: 1342], как локатив от существительного муж. рода *прабошьнь* [Молчанова 1965: 9]. Между тем это слово представлено в источниках лишь двумя сходными контекстами (второй – в одном из списков "Киево-Печерского патерика" [Срезн., II: 1343]) – и в обоих случаях в форме МП на *-яхъ*. Думается, логичнее было бы согласиться с О.В. Твороговым, восстановившим исходную форму в виде *прабош(ь)ня* [Творогов 1984: 114].

Неоднократно цитирует Н.Ф. Молчанова пример с беспредложным МП *Оустьяхъ* ЛН, 14 (под 1132 г.), оговаривая, правда, что он может рассматриваться не только как элемент парадигмы существительного *устье*, но и как "образование от географического названия *Устьяны, Устьи*" [Молчанова 1965: 8; 1969: 130]. Второе предположение более близко к истине: позднейшая форма *въ Оустьянѣхъ* ЛН, 160 (под 1316 г.) недвусмысленно указывает на консонантный характер склонения данного существительного; его начальную форму следует, несомненно, реконструировать в

виде *Устьяне* – что позволяет нам сопоставить его с атематическим склонением типа *Поляне – Поляхъ* (ср.: в *Поляхъ* ЛЛ 1377, 4 – на *Полянѣ(х)* 7, см. ниже).

"Древнейший случай употребления тв. мн. на -ами" зафиксирован, по мнению исследовательницы, в XIV в. в ЛН, 167 об: съ *заборолами* [Молчанова 1965: 10]. Однако вопреки единодушным указаниям словарей, регистрирующих только *неуга забороло* и *забрало*, памятники предоставляют нам примеры, очевидно не относящиеся к ср. роду: *Крщнье... стѣна намъ есть тверда и забрала*. оружие крѣпко ЖВИ XIV–XV, 45в (ИП ед.ч.); *прелѣсти чресь забралы* Пч к. XIV, 45 (ВП мн.ч.); *возлѣзъше на заборолѣ* ЛИ ок. 1425, 226 (северо-западный диалектный ВП мн.ч.); *прилѣзъшимъ же имъ подъ заборолѣ* 294 (но выше – подъ *заборолы*); *Забрала* и хранила всякого ѡ(т) соупротивныхъ застоупающи Жит. Паис. [Срезн., III: 1400] (ИП ед.ч.)⁷. С учетом этих данных кажется вполне оправданным рассматривать ТП *заборолами* как форму *femininum заборолы*.

Напротив, ничем не обоснован скептицизм Н.Ф. Молчановой [Молчанова 1965: 11] в отношении формы *с велневицами* из Нибурова мира 1392 г., отмеченной еще А.А. Шахматовым [Шахматов 1885–1895: 196]: данное существительное, обозначающее рыцарей Ливонского ордена по их замку Феллин (рус. Вельяд) [Янин 1991: 96], неоднократно встречается в формах муж. рода: къ *всемъ велневице(м)* Гр ок. 1265 (полоцк.), съ *юръвчи с велневици* ОБ № 38.

Весьма значительный фактический материал приводится в работе Р.Д. Шепелевой [Шепелева 1972: 6, 12–13, 17]; жаль только, что подавляющая часть обнаруженных ею примеров истолкована, а иногда даже и процитирована неверно. Так, относящиеся к XI в. якобы инновационные формы *мравиамъ* СП, 128 об, *егоуптиами* ГБ XI, 4; *хръстыанахъ* Изб 1076, 126 на самом деле представляют собой совершенно регулярные образования. В частности, слово *мрави*, в отличие от современного *муравей*, принадлежало к *ĭ-основе жен. рода и склонялось по *jā-склонению, ср.: *Възри къ мравіи*, о лѣннве, и въздревноуи еѣ поуемъ Жит. Авкс. 13. Мин. чет. февр. 198 [Срезн., II: 183]. *Егоуптиами* – закономерная атематическая форма существительного *егуптияне* (ср. КЕ XII, 264б), исконно изменявшегося, как и другие *pluralia* на -ане, по консонантному склонению (ТП *-an-ti > *-ati), ср.: *Макидоняне* – *Макидонѣми* ГА, 297; *Древляне* ЛЛ 1377, 5 – *Древлями* 6; *Поляне* – *П(о)лями* ЛИ ок. 1425, 11 об. Форма *хръстыанахъ* является не существительным, а именным прилагательным, согласующимся с *femininum дѣти*: о *хръстыанахъ дѣтьхъ* (περὶ τιστῶν νηπίων) – и именно поэтому принявшим флексия жен. рода (ср.: при *дѣтьхъ Иавлахъ* Изб 1076, 128–128 об).

XII веком датируются отмеченные Р.Д. Шепелевой примеры ДП *ребрамъ* (Кондакаръ конца XII в., РНБ, Погод. 43, л. 7), *вранамъ* УСб, 8а, *разнамъ* 23г. На фоне многочисленных употреблений *о-основного существительного *ребро* первая из этих форм вполне могла бы быть расценена как древнейший случай инновационного окончания в ср. роде. Однако, будучи поставленной в один ряд с формой ВП мн.ч. *разъдравъ ребры* ЗС XIV, 33, она допускает и иную интерпретацию. Хотя, по мнению А.В. Дыбо, форма *ребры* "...могла появиться под влиянием парадигмы мужского рода" [Дыбо 1988: 114], до сих пор подобное воздействие фиксировалось только с XV в. (*пѣтны своѣ въсклѣ* ЛИ ок. 1425, 193в [Шахматов 1957: 355]; примеры из "Слова о полку Игореве" по понятным причинам малопоказательны). Конечно, несколько десятилетий, отделяющих Мусин-Пушкинский список "Закона судного людям" конца

⁷ Ср. аналогичное морфологическое варьирование *хранило* – *хранила*: *мѣтва велико ксть блго и спсно. дѣмъ нашимъ. хранило велик* ПНЧ 1296, 154 об – *книжныи храните(л)...* да не оставлѣть *книжныи хранилы* отворены УСт XII/XIII, 261.

XIV в. от ЛИ ок. 1425, не являются непреодолимой преградой для углубления датировки указанного процесса; тем не менее, как мы полагаем, наличие в текстах XII и XIV вв. двух аномальных для **o*-склонения, но обычных для **ā*-склонения форм мн.ч. – ДП *ребрамъ* и ВП *ребры* – дает основание реконструировать существительное жен. рода *ребра*, вариантное по отношению к *ребро* и в этом аспекте составляющее параллель к паре *бедра* – *бедро*, в которой первый член засвидетельствован несомненными примерами в старославянском (по *вѣдрѣ твоѣ* Син. пс. 44, 4 [Diels 1932: 176]), древнерусском (до *бе(д)ры* ГА XIII–XIV, 27а [СДРЯ, I: 108]) и ряде других языков и диалектов [ЭССЯ, 1: 175–176], а второй может быть с уверенностью восстановлен на основе общих для всех славян форм типа сербск. *бедро*, словенск. *bedro*, польск. *biodro* и т.п. [ЭССЯ, 1: 179]. Поскольку многие формы парадигмы (например, РП мн.ч. или Р-МП дв.ч.) двусмысленны в отношении рода, по-видимому, не будет слишком большой натяжкой предположить, что вариативность *-a*- и *-o*-форм, издавна отличавшая пару **bedra* – **bedro* [ЭССЯ, 1: 176], могла характеризовать и существительное *ребро*.

Впрочем, применительно к форме *ребрамъ* из Погодинского кондакаря приходится считаться и с возможностью простой описки. При обращении к рукописи обнаружилось, что буква *а* во флексии написана неясно; консультация заведующего Древнерусской группой Отдела рукописей РНБ В.М. Загребина и заведующего Кодикологической лабораторией ОР РНБ Д.О. Цыпкина позволила установить, что *а* исправлено писцом на *о*. Разумеется, в этом исправлении можно усматривать и стремление к восстановлению нормативного окончания *-омъ* на месте живой разговорной флексии *-амъ*, случайно "выскользнувшей" из-под пера переписчика за сто лет до фиксации следующих, уже бесспорных примеров ДП на *-ам*. Однако в той же рукописи наблюдаются аналогичные исправления – поверх написанного – явно ошибочных форм: *въсѣдѣша* вместо первоначального *-ше* (л. 12), *христовъ начало* вместо *христовъвъ* (л. 18 об). Все указанные обстоятельства не дают нам оснований для уверенного причисления ДП *ребрамъ* к инновационным формам мн.ч. **o*-склонения.

Что касается форма *вранамъ*, то Р.Д. Шепелева не обратила внимания на родополовой параллелизм *вранъ* – *врана*, ср. ниже в том же тексте: *что грають враны...* *враны* гласять кра кра УСб, 8а (не *врани* – т.е. жен. род). Единственный аргумент, могущий некоторым образом поддержать трактовку *вранамъ* как формы муж. рода, – наличие рядом с нею причастий *летащемъ* и *грающемъ* с флексией *-емъ* (вместо правильной нечленной формы жен. рода *грающамъ* или внеродовой членной формы *грающимъ*) – нельзя признать достаточно весомым ввиду весьма раннего разложения исходной парадигмы церковнославянских именных действительных причастий настоящего времени (подробнее об этом см. во II части настоящей статьи).

Форма *рѣзнамъ* представляет собой *ῥαζα λεγομενον*, и ее деклинационный статус едва ли способна прояснить ссылка на ДП дв.ч. *рѣснома*, зафиксированный в "Чтениях о Борисе и Глебе" по списку XIV в. [Срезн., II: 238] и относящийся к существительному *рѣсно* (ср.: *рѣснове* же очию юго ѿ(т)падоша Пр 1383, 63а). Учитывая, что рядом с *рѣзнамъ* употреблена совершенно правильная форма *въкомъ* (от существительного ср. рода, который, как считается, был особенно склонен к усвоению новых флексий), правомерно было бы предположить, что в данном случае мы имеем дело со словом жен. рода *рѣзна*, вариант *рѣсна* (ср.: *Вѣчныя рѣсны* Чуд. псалт. XI в. пс. XVI. 8. толк. (В.) [Срезн., III: 238]; аналогично – *главизна/глависна*, *трѣсна/трѣзна* [Срезн., I: 514; III: 1027]) – производящим для *рѣсница* [Фасмер, III: 473] (ср. также польск. *rzęsa*, чешск. *řasa*). К тому же корню, но без назализации, принадлежит, безусловно, и *femininum* *рѣсна*: и *рѣсны* опалены ими истечение(м) слезъ ЖВИ XIV–XV, 129 г.

Большие сомнения вызвала у нас форма *въ (о)чахъ божиахъ*, почерпнутая Р.Д. Шепелевой из новгородского Стихираря 1156–1163 гг. Не говоря о том, что определение *божиахъ* указывает на жен. род существительного (ср. замечание А. Вайана о принадлежности дв.ч. *оуи* к женскому грамматическому роду [Вайан 1952: 136]), трудно поверить в столь раннее переосмысление формы *очи* как мн.ч. Обращение к рукописи (РНБ, Соф. 384, л. 108) показало, что приведенное исследовательницей написание является реконструкцией; в действительности текст в данном отрезке явно испорчен переписчиком: Моудрость слова свѣтъла въ чахъ божиахъ. славно мацьбана [так!]. вселенуюю веселащи, – что, на наш взгляд, исключает возможность достоверной интерпретации.

К рубежу XII–XIII вв. относится пример, прочитанный Р.Д. Шепелевой как *въброу очисти въ срѣцахъ* (Отрывки Апостола, РНБ, Соф. 32, л. 216). Однако трактовка этой формы как инновационного МП представляется спорной. Дело в том, что процитированный фрагмент входит в контекст из Деяний апостолов (15, 9), который в синодальном переводе, как и в греческом оригинале, содержит не спрягаемую, а причастную форму глагола *очистить*: "...и не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их" (τῇ πίστει καθάρισας τὰς καρδίας αὐτῶν). Поскольку же глагол *очистити*, как и его греческий прототип καθάρῖζω, является прямопереходным, кажется весьма мало вероятным, чтобы в рассматриваемой рукописи он сменил аккузативное управление на сочетание с предлогом *въ* + МП. Тем самым *-въ* после *очисти-* должно квалифицироваться не как предлог, а как формант причастия. Ввиду того что нижняя часть буквы *р* в слове *въброу* была доведена писцом до уровня следующей строки, заняв место первой буквы этой строки – а именно буквы, находящейся после *срѣца*, – книжник, по-видимому, счел возможным истолковать соответствующую линию как | десятиричное, начинающее слово *ихъ*: *въброу очистивъ срѣца | хъ*.

Весьма сомнительны еще два примера из рукописей XIII в., изучавшихся Р.Д. Шепелевой: *плѣщами* (Служебник, РНБ, Соф. 519, л. 25 об) и *окоусами* (Беседы Григория Двоеслова на Евангелие, РНБ, Погод. 70, л. 7а). Для первого случая допустимо предположить перестановку гласных (вместо *плѣщима*). К такой интерпретации склоняет нас анализ контекста, ср.: Дн(с)ъ състави водънии плѣщами своима подѣмлють стѣпы вл(д)чнѧ. На то, что в данном случае имела в виду форма дв.ч., а не множественного, указывают местоименное определение *своима* и само существительное, которое именно в дв.ч. выражало значение "спина" [Срезн., II: 964], в образном употреблении – "морские волны", ср.: Днѣс(ъ) състави водныя плечеа подѣмлют стопы влѣдчнѧ. Требник, 321. XVI в.; <море> кроткымъ подыханиемъ въздвижеть си плещи (τὰ ὤτα). Шестоднев Ио. екз.¹, III, 340. XV в. [Сл XI–XVII, 15: 92–93]. Форма *окоусами*, представленная рядом с контекстуально сходным оборотом, содержащим правильную форму ТП мн.ч. **о*-склонения (ср.: *окоусами* своими мысль нашу. разгонѧть 7а – мысли нашей. своими. *образы*. натѣкнууться 7б), может быть, как мы полагаем, возведена скорее не к слову *окусъ*, засвидетельствованному в средневековой восточнославянской письменности единственным примером из Иоанна Экзарха Болгарского [Сл XI–XVII, 12: 354], а к его вероятному "женскому" варианту *окуса* (ср. *завѣсь* – *завѣса*, *перевѣсь* – *перевѣса*, *примѣсь* – *примѣса*); показательно, что именно в такой форме данная лексема зафиксирована в [SSS, 23: 536] и [ССС: 410].

Значительно проще обстоит дело в формой *стихѣрамъ*, отмеченной Р.Д. Шепелевой в том же Служебнике, что и ТП *плѣщами* (л. 10 об): она является регулярным локативом от *стихѣря* (*стихира*, *стихѣра*), ср.: оучить(с) *сти(х)рамъ* KB к. XIV, 298в.

Среди находок Р.Д. Шепелевой, относящихся к XIV в., более корректной трактовки заслуживают формы *князяхъ* и *ключами*. Как показал еще И.В. Ягич [Ягич 1889:

117], написание *кнѧ(з)хъ* с *з* под титлом "не дает полного права" для восстановления флексии *-яхъ*, а не *-ихъ* или *-ѣхъ*. ТП *ключами*, представленный не только в цитируемой Р.Д. Шепелевой Палее Александро-Невской Лавры XIV в. (нось. им же вдышаник и издыханик. ѿ(т) скровища ср(д)цнаго [так!] ключами въспущаемо Др. пам., 257), но и (в том же контексте) в Пал 1406, 31а [СДРЯ, IV: 226], и в более поздних списках Палеи (в церковнославянской огласовке: Ср(д)це... хранимо округъ *ключами* [СДРЯ, IV: 227]), и в "Сказании о создании церкви св. Софии" XVI в. (Стѣны желѣзными *ключами* стяжемы суть Сказ. св. Соф. 10 [Срезн., I: 1233]), уже в силу своей частотности, столь необычной для новообразования вообще, а для ТП и для церковно-книжных текстов – в особенности, побуждает предположить наличие *femīnīnum* *ключа*. О существовании такого морфологического варианта, напоминающего известное варьирование *луча* – *лучь*, свидетельствуют следующие формы: оу мене суть *ключа* и печать МПр XIV, 23; то же – Пч к. XIV, 96 об–97, 98, 119 (с закономерной церковнославянской флексией ИП **jā*-склонения, в отличие от *-и* в **jo*-склонении, ср.: *ключи* и печать цѣла ксть ЧудН XII, 73а); *ключа смертныя* растерзахуся НІVЛ, 79 (в муж. роде ожидалось бы *ключи смертныи*). Правда, в Палее форма *ключами* (*ключами*), очевидно, употребляется вместо существительного *плюча/плючѣ* (мн.ч.) "легкие", однако повторение этой формы в разных списках позволяет утверждать, что паронимическое сближение слов *плюча/плюча* и *ключа*, приведшее, в частности, к появлению во втором слове на месте исконного [ч] < **kj* гиперкорректного *щ*, произошло достаточно рано.

Наиболее авторитетное, получившее широкое признание научной общественности истолкование инновационных процессов во мн.ч. представлено в известной монографии В.М. Маркова [Марков 1974] (второе издание – [Марков 1992]). Обнаруженные им примеры из памятников XI – начала XIV вв. [Марков 1974: 100] существенно углубили хронологию данных изменений. Приходится, однако, с сожалением констатировать, что, за исключением формы *людгощичамъ* (а не *-ам*, как у В.М. Маркова) из новгородской надписи 1359 г., ни один из этих примеров не выдерживает критики. О форме *рижѧмъ*, цитировавшейся, впрочем, еще А.А. Шахматовым, мы уже говорили. МП *еуангѣлиѧхъ* УСб, 234а образован не от *neutrum* *евангелие*, а от *femīnīnum* *езангелія*, ср. ст.-слав. РП ед.ч. **jā*-склонения *еуѧгѣлѧѧ*, МП мн.ч. *еуѧгѣлѧхъ* [Вайан 1952: 143; Мирочник 1973], а также соответствующие формы в старобелорусских памятниках (как молвит *евангеліа* никодемова; вси чтоутъ *еванькгелію*; как там *еванкгеліа* есть сложона и др. [ГСБМ, 9: 141–142]) и в современном украинском (например, название работы П. Бузука "Говірка Луцької Євангелії XIV в."). Форма *лобъзаниѧми* возникла в издании УСб, 203а в результате неверного словоделения, вместо РП *лобъзаниѧ* и ДП местоимения *ми* (ср. греч. *φίλητά μοι* [Носк 1986: 134]). ДП *люагощонамъ* зафиксирован в надписи на Гильдесгеймском кресте, изобилующей ошибочными написаниями; в свете наличия одной из таких явных описок в самом анализируемом слове (*люа-* вместо *люд-*) кажется более вероятным объяснить "инновационное" окончание *-амъ* и ни с чем не сообразное написание суффикса *-ан-* в виде *-он-* перестановкой букв: *люагощонамъ* вместо *людгощаномъ*. Впрочем, приписав появление *о* в суффиксе влиянию предшествующего слога (*го-що*), мы все же могли бы расценить *-амъ* и как новообразование – однако ввиду того, что рассматриваемая надпись отнесена ее последним издателем не к XII, а к XIII в. [Мясоедов 1918: 13], в хронологическом отношении эта форма, соседствующая с другими примерами того же времени на *-ам*, уже не являлась бы чем-то экстраординарным.

Древнейший, особенно популярный среди историков языка пример инновационной флексии в ДП – форма *жителѧмъ* из Путятиной минеи первой половины

XI в., л. 76 об [Марков 1960: 236–237; 1974: 100] (правда, точнее, видимо, квалифицировать ее как часть композита *тъмѣжителѣмъ*, соответствующего греческому словосочетанию τοῖς ἐν τῇ βόσκῃ τοῦ βίου⁸). Поскольку, однако, данное написание на 250 лет предшествует следующим, более надежным примерам с *-ам* в субстантивном склонении, представляется желательным найти для него какое-то иное объяснение. Ближайшая параллель указанной форме обнаруживается, как мы полагаем, в давно известных науке формах типа *содомлѣмъ* АЕ, 125а, 174в [Шахматов 1957: 100], *ерсѣмлѣмъ* Мин., 161, 162 [Соболевский 1910: 63] и т.п., которые отражают исконную атематическую парадигму существительных на *-ане*, изменявшихся по консонантному склонению [Крысько 1994а: 214] (древнерусские источники, восходящие главным образом к XI–XII вв., категорически опровергают попытки возвести исследуемые формы к мифическим номинативам типа "поля" [Хабургаев 1979: 209; 1990: 66], но регулярно демонстрируют параллелизм ИП *-ане* – ДП *-амъ* – ТП *-ами* – МП *-ахъ*). Учитывая, что в старославянских и русско-церковнославянских памятниках зафиксировано образование *жателѣне* (*жателѣне*), а в старосербском Мирославовом евангелии – ДП *жетелѣмъ* [Ван-Вейк 1957: 269, 271], закономерно, по-видимому, будет заключить, что и форма *жителѣмъ*, отмеченная в южнославянском по происхождению тексте, входила в парадигму существительного *жителяне*, в деривационном отношении тождественного слову *жателѣне*, но, в отличие от него, засвидетельствованного до сих пор только одной формой – ВП мн.ч. *жителѣны* [Погорелов 1910: 62]. Показательно, что для А.И. Соболевского пример *жителѣмъ* не составлял никакой загадки: он с полным основанием указал эту форму в числе других известных ему консонантных образований, рядом с *содомлѣмъ*, *о галелияхъ*, *егуптями* и т.п. [Соболевский 1910: 64], – но, к сожалению, работы классиков читаются ныне редко.

В [СДРЯ, I: 306] среди иллюстраций к слову *братанъ* приведен фрагмент: не достойть... *братанамъ*. дву сестру поимати МП^р XIV, 224, – как будто содержащий инновационную форму ДП мн.ч. Обращение к первоисточнику показало, однако, что здесь представлено ошибочное написание формы ТП ед.ч. *зѣ братанамъ* (с повторением во флексии буквы *а* из предшествующих слогов), которая входила в искаженный древнейшими переписчиками контекст, реконструируемый на основе греческого оригинала следующим образом: Двою брату чадома. не достойть поимати двою сестру. ни стрюю съ братаномъ дву сестру поимати (ср. РИБ VI, 144, греч. ἡ θεῖον καὶ ἀνεψιὸν ἀδελφαῖς συνάπτειναι δυσί).

В Рязанской кормчей 1284 г. трижды отмечена форма *о причетницахъ* (КР 1284, 206, 26а, 28а), на первый взгляд совмещающая новое, народно-разговорное окончание *-ахъ* и традиционный исход основы на свистящий, возникший по второй палатализации перед ⟨ѣ⟩ [Иорданиди 1990: 143]. Однако подлинное объяснение этих форм следует искать, очевидно, в истории текста Кормчей, переписанной с киевского оригинала, восходящего, в свою очередь, к среднеболгарскому списку [Соболевский 1907: 222; Блохина 1970: 26]. Известно, что в истории болгарского языка имел место переход [цѣ] > [ца], ср. в Енинском апостоле: *ѡзыцахъ*, *цаноѡ* [ССС: 34], в Македонском (Струмишском) апостоле XIII в.: *цаловати*, *въ потоца*, *ѡблаца*, *по пасца* и особенно *о пророцахъ*, в Хлудовской триоди и Хлудовском паремейнике XIII в. – *исцаан*, *цанѡ*, *исцади* и др. [Младенов 1979: 99]. Следовательно, *о причетницахъ*, как и *ѡзыцахъ*, *о пророцахъ*, отражает, скорее всего, не древнерусское морфологическое новообразование, а болгарское фонетическое изменение (ср. в том же разделе КР 1284 такие южнославянизмы, как *поставѡющихъ* 20в, *врѣме* 25в).

⁸ Греческую параллель любезно сообщила нам Л.И. Щеголева.

Несколько новых примеров инновационных флексий обнаружилось благодаря находкам берестяных грамот. Несмотря на их немногочисленность, эти формы, по справедливому замечанию А.А. Зализняка, "...оказываются даже и в количественном отношении весьма существенным вкладом в фонд данных, на которых основываются хронологические оценки явлений языковой эволюции" [Янин, Зализняк 1986: 140]. Дополнительного комментария заслуживают лишь две формы: *чьръвьяхъ* (о ней речь уже шла выше) и *во тоболахо* ГрБ № 141 (втор. пол. XIII в.). Отметив, со свойственной ему предусмотрительностью, в словоуказателе к берестяным грамотам обе возможные деклинационные характеристики данного слова – *тобола ж.* или *тоболъ м.*, А.А. Зализняк все же не счел возможным возвести локатив на *-ахо* к парадигме **о*-склонения [Янин, Зализняк 1986: 301] и не привел этот пример среди инновационных форм мн.ч. [Янин, Зализняк 1986: 140]. Действительно, ИП мн.ч. *тоболи*, зафиксированный в той же грамоте (отражающей графический эффект *ѣ* → *и*), с одинаковой вероятностью мог относиться и к **ā*-склонению (ср. *бѣлѣ* "белки"), и к **о*-склонению (ср. *намѣ* "проценты"). Ввиду уникальности рассматриваемой лексемы в древнерусской письменности вопрос о деклинационной принадлежности формы *тоболахо* можно было бы считать неразрешимым, если бы не существование двух суффиксальных производных – *тоболѣць* [Срезн., III: 968] и *тоболка* [Даль, IV: 408], указывающих соответственно на два производящих – *тоболъ* и *тобола*. Наличие деривата на *-ка* позволяет, думается, с большей уверенностью утверждать, что в ГрБ № 141 в обоих случаях представлено существительное жен. рода *тобола* – т.е. присоединиться в оценке формы ИП *во тоболахо* к мнению А.А. Зализняка.

Существенно расширить список примеров с новыми окончаниями мн.ч. удалось А.В. Дыбо, исследовавшей (к сожалению, по изданию, что привело к некоторым искажениям текста) новгородский Мусин-Пушкинский сборник конца XIV в. Среди отмеченных ею девяти инновационных форм [Дыбо 1988: 108–110] определенные сомнения вызывает только датив *маложенамъ* ЗС XIV, 30 об. По нашему мнению, этот случай допускает двоякую интерпретацию. Будучи сопоставленным, например, с формой *мальженомъ* УСб, 202а, он действительно выглядит как отступление от нормы и несколько напоминает отношения типа *егуптяномъ* → *егуптянамъ*. В то же время необходимо учесть, что этимологически данное существительное скорее всего обязано своим возникновением переосмыслению *femininum *malъžena* "супруга" [Фасмер, II: 562; ЭССЯ, 17: 179], которое стало восприниматься как дв.ч. от вторичного **malъženъ* и распространилось на обоих супругов. С этой точки зрения флексия *-амъ* может быть истолкована как элемент исконной **ā*-парадигмы.

3. Отсеяв сомнительные и просто неверные примеры, во множестве, как мы убедились, появившиеся в литературе последних десятилетий, мы можем, наконец, собрать воедино все надежные факты, представленные в работах предшествующих исследователей, дополнив их материалами, обнаруженными нами в результате собственных наблюдений⁹.

Прежде всего следует подчеркнуть, что хронология инновационных процессов в косвенных падежах мн.ч., определенная А.И. Соболевским, остается практически неизменной, если не считать незначительного "углубления" нижней границы благодаря обнаружению формы *по мѣстамъ* в Симоновском евангелии 1270 г. Итак, к последней трети XIII в. относятся четыре примера с ДП муж. рода: *кгоуптѣнамъ* Парем 1271, 96 (РНБ, Q. п. I. 13) [Соб.]; *матигорьцамъ* 73г [Ягич 1889: 117]; *жидамъ* КН 1280, 5146 (иже продасть христианина жидамъ ксть безаконьникъ); *кр(с)тъѣнамъ* ПНЧ 1296, 98 (видиши ли како вышше быти кр(с)тъѣнамъ всѣхъ); два – с ДП

⁹ Примеры, впервые вводимые в научный оборот, выделяются полужирным курсивом.

ср. рода: по *мѣстамъ* Ев 1270, 118а (РГБ, Рум. 105) [Кочиш 1981: 295]; *безаконіамъ* Парем 1271, 210г (РНБ, Q. п. I. 13) [Соб.]. К 1268–1281 гг. по стратиграфическим показателям отнесена ГрБ № 349, демонстрирующая наиболее раннюю инновационную форму МП – *на цѣревахъ* [Янин, Зализняк 1986: 140].

В текстах первой половины XIV в. отмечено десять новообразований, в том числе пять – в форме ДП ср. рода: по *постотаниамъ* НГ № 10, 1305–1307 гг.¹⁰ [Соб.]; къ *гробницамъ* же пришьдъ Пр XIV (6), 5 об, 1313 г. (ГИМ, Син. 239); *владѣствіамъ* ЕвПант 1317, 85в (БАН, 34.5.22) [Соб.]; по всимъ *сѣламъ* и гра(д)мъ Пролог (РНБ, F. п. I. 47, л. 32г)¹¹; по *мѣстамъ* Евангелие (РГБ, Больш. 434, л. 56) [Соб.]; три – с МП ср. рода: на *сборищахъ* Сийское евангелие 1339 г., 64б; на *сонмищахъ* 76б (БАН, Археогр. ком. 189) [Соб.]; в *надрахъ* ГА, 344, список втор. четв. XIV в. (РГБ, МДА I, 100); два – с ДП муж. рода: инии кмоу <Дионису> жертвы творять. инии же рѣкамъ и *стоуденцамъ* ГА, 63 (ср.: Пожърѣмъ *стоуденьцемъ* и рѣкамъ Златостр. XII в. 127 [Срезн., III: 575]); *новгородцамо* Тверская берестяная грамота № 2 [Янин, Зализняк 1993: 334]. К 1313–1369 гг. стратиграфически относится ГрБ № 286, демонстрирующая форму ДП муж. рода *каѣнецамо* [Янин, Зализняк 1986: 140].

С середины XIV в. количество инновационных форм существенно возрастает. В текстах 1350–1400 гг. зафиксированы следующие примеры ДП муж. рода: *книжникамъ* Ев 1355, 87 (ГИМ, Син. 70) [Соб.]; *людгощичамъ* Надп 1359 [Мясоедов 1918: 15; Марков 1974: 100]; к *посадникамъ* к любыцкимъ, и к *ратманамъ*, и ко всимъ *лубцанамъ* ГВНП № 44, 1370/1371 г. [Маценко 1961: 65]; *боѣрамъ* (bis), *дворѣнамъ* (bis), *намѣстникамъ* НГ № 8, 1371 г. [Шахматов 1885–1895: 196]; *боѣрамъ*, *купцамъ* НГ № 17, 1376 г. [Шахматов 1957: 279]; повелѣлъ *товаровамъ* пойти переди ЛЛ 1377, 87 об (форма существительного *товаръ*, содержащая суф. -ов-, который выделился в результате переразложения флексий ИП и РП мн.ч. -ове и -овѣ¹²); к заморьскимъ. *посламъ* ОБ № 38, 1388 г.; *другамъ*, *купцамъ* (четыре раза), *нѣмѣцамъ*, по *кѣго городамъ* ГВНП № 46, 1392 г. (цит. по фотокопии грамоты, хранящейся в Центральном историческом архиве Латвии) [Маценко 1961: 66]; *книжникамъ* Ев 1393, 114б (РНБ, F. п. I. 18) [Соб.]; оумъножившимся *хръстыанамъ* ЧтБГ к. XI сп. XIV, 4б; оуроци *смердамъ* РПрМус сп. XIV, 9 об, *тигожанамъ*, *нередицанамъ*, *бережанамъ*, *пидѣблѣнамъ* УЯр сп. XIV, 59 об, *ильинцамъ*, *витковлѣнамъ* 60 об [Дыбо 1988: 108], ко *десаѣцѣнамо* "десятичанам, жителям с. Десятское" ГрБ № 253 [Янин, Зализняк 1986: 140, 274]; к *новгородцамо* ГрБ № 281 [Янин, Зализняк 1986: 140]; *вохламъ* [вместо *волхвамъ*] вѣру їмете ЗЦ к. XIV, 13; разумъ даетъ *младенцамъ* Псалтырь конца XIV в. (РГАДА, Тип. 35, л. 174) [Погорелов 1901: 46].

Число конструкций с ДП ср. рода значительно меньше: къ *гробницамъ* Пр 1356, 4 об (РГАДА, Тип. 163) [Соб.]; *требищамъ* Паремейник (РГБ, ТСЛ, 4, л. 43) [Соб.]; наоучи *мѣ оправданьѣмъ* твоимъ Псалтырь конца XIV в. (РГАДА, Тип. 35, л. 166 об) [Погорелов 1901: 46].

¹⁰ Датировка новгородских пергаменных грамот уточнена по [Янин 1991].

¹¹ Авторы весьма признательны А.А. Турилову за сообщение уточненных датировок этого и ряда других памятников.

¹² Ср. аналогичные примеры: *жидовы*, *жидовѣхъ* Чудовская псалтырь [Погорелов 1910: 62]; *жидовомъ* УСб, 257в, 268б; *пановомъ* Псковск. 2-я лет., *пановомъ* (ъ) Молд. гр. 1389–1419, *городовомъ* Там же, на *плечевоу* Ипат. [Шахматов 1957: 236]; *сыновемъ* Гр (двинск.) № 76 [Иорданиди 1981: 179–180]; многочисленные примеры из текстов среднерусского периода см. [Зализняк 1985: 272–275, 280] – не исключено, впрочем, что часть из них воспроизводит формы южнославянских протографов [Orzechowska 1966: 45, 49].

В это же время появляются первые, но уже достаточно многочисленные примеры МП муж. рода: о *гѣлахъ* Ев 1358, 202об (ГИМ, Син. 69)¹³ [Соб.]; въ *мъртвѣцахъ* Паракл 1369, 96 (ГИМ, Син. 837) [Соболевский 1884б: 127]; въ *Гремича(х)* ДДГ, 34, 1389 г. [Молчанова 1965: 9] (ср. выше ИП *Гремичи*); ѿ *смердахъ* РПрМус сп. XIV, 16 об [Дыбо 1988: 108]; в *верпахъ* [*вертьпахъ*] и пещерахъ крыющесѧ ЖВИ XIV–XV, 50в.

МП ср. рода представлен классическими примерами: на *распутьѣхъ* Ев 1354, 117об (ГИМ, Син. 67) [Соб.]; въ *гробницахъ* (bis) Пр 1356, 4об, 5 (РГАДА, Тип. 163) [Соб.]; въ *пѣниѣхъ* Шестоднев 1374 г., 20об (РГАДА, Тип. 67) [Каринский 1916: 244]; въ трехъ *лица(х)* ЛЛ 1377, 39 [Шахматов 1957: 280]; на *торжища(х)* Ев 1393, 69а (РНБ, Ф. п. I. 18) [Соб.]; еще один пример зафиксирован в псковской Псалтыри конца XIV в. (РГАДА, Тип. 35, л. 166об) рядом с уже упоминавшимся ДП *оправданьѣмъ*: поглюмлюсѧ в *чюдесахъ* твоихъ [Погорелов 1901: 46]. Кроме того, в записи к Служебнику митрополита Киприана конца XIV в. (ГИМ, Син. 601) отмечен локатив *въ дьяконства(х)* Служ XIV (3), 72, а в "Пандектах Никона Черногорца" конца XIV в. – на *чтенъѣхъ* ПНЧ XIV, 2016.

С конца XIV в. в нашем распоряжении появляются первые бесспорные примеры с ТП мужского и среднего рода (соответственно 4 и 2 употребления): с *полѧми...* и з *лоугами* и зо *всими* пожитки Пещак, № 31, 1383 г.¹⁴ [Ягич 1889: 118]; попецелилеса *чоронами* ГрБ № 167 (новое прочтение – от *черенъ* "солеварный котел" [Янин, Зализняк 1993: 137], ср. [Шепелева 1972: 13]); с *велневицами* ГВНП № 46, 1392 г. (проверено по фотокопии грамоты, хранящейся в Центральном историческом архиве Латвии) [Шахматов 1885–1895: 196]. С морфологической точки зрения безукоризненна, хотя и синтаксически маловразумительна форма *согрѣшениѣми*: Иже безъ испытанъѧ произведошасѧ презвитери. расоужаѣми исповѣдаша. преже согрѣшениѣми ПНЧ XIV, 42б. Греческое соответствие: ὁμολογησάν τὰ ἡμαρτημένα αὐτοῖς – позволяет предположить, что в протографе списка присутствовала параллельная греческому причастная конструкция *согрѣшенѣми* *ими*, которая при переписывании была заменена новообразованием ТП¹⁵. Искажение первоначального текста, очевидно, отражено и в конструкции: мѣтвми пособита ми съ *братами* сѧ Борисомъ и Глѣбомъ ПрП XIV–XV (1), 26г; абстрагировавшись от явно ошибочного *сѧ*, сменившего книжную форму посессивного датива *си*, мы, тем не менее, можем констатировать, что ТП *братами* демонстрирует сразу две инновации народно-разговорного языка – утрату дв.ч. и развитие во мн.ч. флексии *-ами*, ср. исконную форму: пособита ми с *братома* си Борисомъ и Глѣбомъ ПрЮр XIV, 28б.

Таким образом, общее число надежных инновационных форм ДП, МП и ТП мн.ч. существительных, которыми располагает современная наука по материалам памятников XIII–XIV вв., – 75 – более чем в три раза превышает список А.И. Соболевского, что, по-видимому, позволяет делать более верифицированные выводы об истории данных форм. Теоретическому осмыслению собранного материала будет посвящена вторая часть нашей статьи.

¹³ Возможное предположение о том, что *а* в этой сокращенной форме относится не к окончанию, а к корню, опровергается длинным рядом регулярных написаний, в которых корневая часть обозначается как *гл* – под титлом, а флексия воспроизводится полностью, ср.: о *гѣхъ* Изб 1076, 149; *гломъ* 187об; *глы* 5, 191, 223; по *гѣхъ* ЖФП XII, 64а; въ *гѣхъ* КЕ XII, 184а; *гломъ* КР 1284, 198в; о *гѣхъ* СъЧуд XIV, 292 г; в... *гѣхъ* ФСт XIV, 43б и т.п.

¹⁴ Этот текст, условно-хронологически относимый к древнерусскому периоду, по своим языковым особенностям, несомненно, является уже памятником староукраинского языка.

¹⁵ Авторы признательны К.А. Максимовичу за консультацию по данному вопросу.

ИСТОЧНИКИ

- АЕ – Архангельское евангелие 1092 г. М., 1912.
 БАН – Библиотека Академии наук.
 ГА – *Истрин В.М.* Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе. Т. I. Пг., 1920.
 ГИМ – Государственный исторический музей.
 ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–. Мінск, 1982–.
 Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
 Др. пам. – *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863.
 КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (хранится в Институте русского языка РАН).
 ЛН – Новгородская харатейная летопись. М., 1964.
 Мин. – *Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.
 МЛ – Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.
 НЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
 НЛВЛ – Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915.
 ОБ – *Обнорский С.П., Бархударов С.Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов (бывш. ЦГАДА).
 РГБ – Российская государственная библиотека (бывш. ГБЛ).
 РИБ VI – Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. СПб., 1908. (Рус. ист. 6-ка; Т. 6).
 РНБ – Российская национальная библиотека (бывш. ГПБ).
 СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–. М., 1988–.
 Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
 СП – Синайский патерик. М., 1967.
 Срезн. – *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. I–. Л., 1965–.
 СССР – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
 УСб – Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
 Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
 SSS – *Slovník jazyka staroslověnského*. 1–. Praha, 1958–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блохина Э.Д.* 1970 – Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
Вайан А. 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
Ван-Вейк Н. 1957 – История старославянского языка. М., 1957.
Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1981 – Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
Дыбо А.В. 1988 – Деклинационные различия новгородских диалектов XIII–XIV вв. и их локализация // Балто-славянские исследования, 1986. М., 1988.
Зализняк А.А. 1985 – От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
Иорданиди С.И. 1981 – К истории функционирования флексии именительного множественного -ов'е в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1979. М., 1981.
Иорданиди С.И. 1985 – Формы именительного множественного существительных типа *горожанинъ, родитель, мытарь* в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1982. М., 1985.
Иорданиди С.И. 1990 – Из истории форм местного падежа множественного числа существительных в русском языке // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990.
Иорданиди С.И., Крысько В.Б. 1993 – Формирование внепадежной именной парадигмы множественного числа в древнерусском языке // ИАН СЛЯ. 1993. № 6.
Каринский Н.М. 1916 – Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. // ЖМНП. 1916. Февраль.
Кочиш М. 1981 – О форме *по мѣстамъ* в Новгородском евангелии 1270 года // *Dissertationes Slavicae*. Szeged, 1981. XIV.
Крысько В.Б. 1994а – Двадцать лет спустя (к переизданию книги В.М. Маркова) // *RLing*. 1994. V. 18, № 2.
Крысько В.Б. 1994б – Заметки о древненовгородском диалекте (II. *Varia*) // ВЯ. 1994. № 6.
Крысько В.Б. 1994в – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

- Кузнецов П.С. 1959 – Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Марков В.М. 1960 – Особенности письма и языка Путятиной Минеи: (Вводные замечания) // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1960.
- Марков В.М. 1974 – Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.
- Марков В.М. 1992 – Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. Ижевск, 1992.
- Маценко И.В. 1961 – К вопросу о грамматической индукции в дательном падеже множественного числа имен существительных мужского рода // Дослідження з літературознавства та мовознавства. Ч. II. Київ, 1961.
- Мирочник Е.Ш. 1973 – Об одной субстантивной форме в Изборнике 1073 года // Науч. тр. Ташкент. ун-та. 1973. Вып. 449.
- Младенов С. 1979 – История на българския език. София, 1979.
- Молчанова Н.Ф. 1965 – Унификация форм имен существительных в дательном, местном и творительном падежах множественного числа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Молчанова Н.Ф. 1969 – О времени и закономерностях распространения флексий -ам и -ах в формах существительных среднего рода // Вопросы истории и теории русского языка. Вып. 2. Калуга, 1969.
- Мясоедов В. 1918 – "Иерусалимский крест" в ризнице собора в Гильдесгейме // Зап. Отд-ния рус. и слав. археологии Рус. археол. о-ва. 1918. Т. 12.
- Погорелов В. 1901 – Псалтыри / Описал В. Погорелов. М., 1901. (Б-ка Моск. Синод. типографии; Ч. I. Рукописи. Вып. 3).
- Погорелов В. 1910 – Словарь к Толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Соболевский А.И. 1884а – Два древних памятника галицко-волинского наречия // РФВ. 1884. Т. 12. № 3.
- Соболевский А.И. 1884б – Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
- Соболевский А.И. 1888 – Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.
- Соболевский А.И. 1907 – Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Соболевский А.И. 1910 – Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. I. Варшава, 1910.
- Творогов О.В. 1984 – Лексический состав "Повести временных лет": (Словоуказатели и частотный словарь). Киев, 1984.
- Ульянов Ю.П. 1958 – Из истории развития унифицированных флексий -АМ, -АМИ, -АХ в склонении имен существительных // Учен. зап. Чарджоуск. пед. ин-та. 1958. Вып. 4.
- Хабургаев Г.А. 1979 – Этнонимия "Повести временных лет" в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.
- Хабургаев Г.А. 1990 – Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М., 1990.
- Шахматов А.А. 1885–1895 – Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. Т. I, [вып.] II. СПб., 1885–1895.
- Шахматов А.А. 1957 – Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Шепелева Р.Д. 1972 – История флексий дательного, творительного и местного падежей множественного числа имен существительных (по материалам письменности XI–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Ягич И.В. 1889 – Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.
- Янин В.Л. 1991 – Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1986 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1993 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Andersen H. 1969 – The peripheral plural desinences in East Slavic // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1969. V. XII.
- Diels P. 1932 – Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932.
- Dingley J. 1983 – The peripheral plural endings of nouns in Petrine sermons. München, 1983.
- Hock W. 1986 – Das Nominalsystem im Uspenskij Sbornik. München, 1986.
- Orzechowska H. 1966 – Locativus pluralis na *-оу w językach słowiańskich // RS. 1966. T. XXVI. Cz. 1.
- Thomas G. 1973 – Some theories concerning the unification of the endings of dative, instrumental and locative plural of Russian nouns // Canadian contributions to the Seventh International congress of slavists. The Hague; P., 1973.
- Unbegaun B. 1935 – La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). I. La flexion des noms. P., 1935.
- Vondrák W. 1908 – Vergleichende slavische Grammatik. Bd. II. Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1908.